

ОТВЕТОМ на органическую идентичность иммигрантов, потоками прибывающих в Европу, всё чаще становится... фашизм. Точнее, формы политического национализма в его лайт-версии. Но не только миграционный наплыв является причиной возвращения фашизма — особенно когда мы говорим о Восточной Европе, ведь столь активная миграция наблюдается лишь в последние годы. Фашистские эссы в Европе начали набирать популярность ещё со времён крушения Советского блока, если не рассматривать точечные проявления фашизма в виде идеологических кружков, свойственных и периоду советского присутствия в Европе. Факельные шествия бывших эссовцев проходят в странах Балтии, пособники нацистов героизируются на Украине, подобные же настроения набирают популярность в Польше, а также в странах Центральной Европы, включая Германию и Австрию. Учитывая драматическую историю Европы XX столетия и те последствия, которые она пережила, возникает естественный вопрос: почему фашизм?

МОДЕРН И ЕГО ТРИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Ответ кроется, как ни странно, в самой идеологической структуре модерна. Преодолев Традицию и относительно успешно демонстрировав её проявления, модерн новейшего времени, а в политических формах особенно с начала XX столетия, кристаллизовался в трёх идеологических направлениях, или, как определяет их философ Александр Дугин, в трёх политических теориях: либерализме, марксизме и фашизме. Для всех трёх основан является именно модерн, с его подходами к социально-политическому устройству и взглядами на Традицию. Если все проявления Традиции (среди которых Бог, Дух, вера, религия, Церковь, в целом — метафизика) вынести за скобки, то в сухом остатке основными столпами идеологии модерна становятся позитивизм, прогрессизм и материализм. Они и составляют суть трёх политических теорий модерна. Все три понятия вместе, а не по отдельности.

Различие этих политических теорий, на основе которых и создаются различные идеологические вариации (собственно, идеологии), заключается лишь в определении главного субъекта — носителя идеологии. В либерализме таковым является торгующий индивид. В марксизме — класс, понятый не социологически, а в представлении, разделяющем любое общество на два класса: класс труда и класс капитала. В фашизме же таким субъектом является политическая нация — искусственная политическая общность индивидуумов. Пусть индивидуумов, но всё-таки — общность, складывающаяся на основе политического договора и

принятых в качестве консенсуса политических целей или национальных интересов.

Следует говорить, что индивидуум, противостоящий любой органической общности, является базовой категорией модерна в целом. Главное же различие — в какой контекст помещается. В либерализме он помещён в структуру бронуевского движения торгующих индивидов, жаждущих наживы, комфорта и удовольствий, без какого либо складывания в структуры или объединения, ибо автономия, отдельность, индивидуальность являются догматическим условием либерализма. В предделе всё человечество должно представлять собой единый плавильный котёл торгующих и стремящихся к комфорту индивидуумов. Суть такого либерального общества можно условно охарактеризовать французским понятием "Liberté".

АЛЬТЕРНАТИВЫ ЛИБЕРАЛИЗМУ

В марксизме индивидуум тоже "мера всех вещей", но там он помещён внутрь политического класса, где и уравнен с другими индивидуумами, в отличие от либеральной доктрины, где равны только возможности, но не сами индивиды. Помещается такой индивид либо в класс труда, который осознаёт себя в качестве политической силы и стремится к политическому доминированию, либо в класс капитала, который временно доминирует,

туть, что все они были по своей структуре национальными и, как их ещё называют, буржуазными. Но только для либерализма и марксизма такое национальное, или буржуазное государство — это то, что в пределе должно быть преодолено через создание глобального гражданского общества Liberté в одном случае и глобального общества Egalité — в другом. А для фашизма национальное государство — это и есть суть, цель, предел. А не переходный этап от традиционных империй к единому глобальному обществу — как национальное государство видят либерализм и марксизм.

Теперь рассмотрим ситуацию в постсоветской Европе. Большую часть XX столетия там разворачивались баталии за победу одного из двух проектов. Но сначала либерализм и марксизм (советизм) совместно расправились с фашизмом, а уж только затем устроили схватку друг с другом за ни больше ни меньше глобальное доминирование в мире. Результат всем известен: либерализм одержал верх и стал единственной доминирующей политической теорией модерна. Тут-то и обнаружили все издержки такого доминирования, вскрылись и воочию был зафиксирован весь кошмар и бесчеловечность либерализма, под своей полной победы прикрывавшегося маской "благот" демократии, "свободы" (Liberté) и так называемого развития.

Сегодня всем, кроме агентов и адептов либе-

Валерий КОРОВИН ПОЧЕМУ ФАШИЗМ?

Идеологические альтернативы для Европы

но через революцию должен быть повержен. Что в итоге должно завершиться окончательным доминированием класса труда — равных во всем, а не только в своих возможностях, политически осмысленных индивидуумов. Суть марксистского подхода условно определяем понятием "Egalité". Отсюда эгалитаризм — основа так называемых народных демократий советских и просоветских режимов.

В фашизме же индивидуум помещён в более узкий, но тоже искусственный формат политической нации, как правило, совпадающей с границами национального государства (Etat-nation). Именно нация, а не индивидуум или класс, является главным субъектом фашизма. И вот тут-то, лишённый в модерне коллективной идентичности народ или этнос, за счёт узости формата национального государства обнаруживает уловку — возможность обратиться под видом так называемой национальной идентичности к, на самом деле, народной или даже этнической идентичности и через формат государства-нации тем самым сохранить её. Сохранившись таким образом как народ (этнос), то есть сохранив свою органическую общность и свойственную ей идентичность.

Таким образом, в формате государства-нации народ или этнос обнаруживает шанс на спасение, которого не оставляет ему номинальный модерн, — шанс на сохранение своего кровного, культурного, языкового родства, своей Традиции и происхождения. Это, конечно, не нормативно, и теоретически модерн такую возможность не предусматривает, отрицая органическую общность как таковую, но по факту, за счёт некоторого понятийного зазора и неточности определений, за счёт некой умышленно допускаемой понятийной путаницы, это так. Суть такого подхода обозначим понятием "Fraternité", то есть "братство".

ЕВРОПА XX СТОЛЕТИЯ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

С учётом описанной модели рассмотрим ситуацию в Европе XX столетия. За этот период там сложились государства на основе всех трёх политических теорий: либеральные, марксистские (советские) и фашистские. Причём следует отме-

рализма очевидна его чудовищность, тоталитарность, жестокость и волонтиаризм. Закалившись в борьбе со своими конкурентами — марксизмом и фашизмом, — либерализм впитал в себя все самые жесткие и тоталитарные их проявления. А по сути он и был таковым изначально, но лишь лицемерно изображал свою "особость" и "отличность" от своих оппонентов. Сейчас, когда оппоненты разгромлены, скрывать больше нечего и незачем. Подлинная суть либерализма, столь же жестокого, нетерпимого и тоталитарного, как и его поверженные оппоненты, обнажилась во всей полноте. А вот теперь оценим идеологические трансформации Европы в прикладном аспекте. После окончательной победы либерализма данная идеологическая модель стала не просто единственной — она стала, по сути, данностью без всякой альтернативы. То есть идеологией по умолчанию. Фактически либерализм — это уже не одна из трёх политических теорий, а само собой разумеющийся "естественный" набор взглядов и воззрений. Это смысловой код, эпистема современного мира, который теперь рассматривается как либеральный по факту исторической победы. Либерализм — это и есть на сегодня отсутствие идеологии. Запрет на идеологию, присутствующий в конституциях тех или иных государств, это фактически запрет на альтернативу либерализму, то есть на марксизм и фашизм. Нет никакой идеологии — это значит либерализм, Liberté, и больше ничего. Жёстко. Безапелляционно. Без всяких разговоров. Только либерализм — как системная, мировоззренческая матрица на пути к глобальному либеральному человечеству, либо "мы летим к вам".

Тоталитарная суть либерализма очевидна сегодня всем, кто хоть раз задумывался на эту тему, однако не все на сегодня понимают, как с этим быть. Это касается не только Европы в целом и Восточной Европы в частности, но и постсоветского пространства. Однако выбор альтернативы либерализму оказывается не велик, если мы продолжим оставаться в рамках модерна. Если не либерализм то... что? Рассмотрим варианты. Если не либерализм, то — марксизм (он же советизм) как форма реального политического воплощения марксизма в истории. Именно потому, что марксизм был реализован в советском проекте, он

имеет конкретные: исторические, эстетические, политические, культурные, — зафиксированные признаки. То есть если марксизм — значит советизм. А советизм мы все уже видели, "проходили", с ним всё понятно. К тому же марксизм — это та же глобализация, только на чуть иных основаниях, не на базе атомарного индивида, а на базе доминирующего класса труда; Egalité — тотальное равенство, к тому же без комфорта и благосостояния, которых, впрочем, и так нет, но каждый надеется, что всё же обретёт их за счёт другого, чего при тотальном Egalité "не светит" по определению.

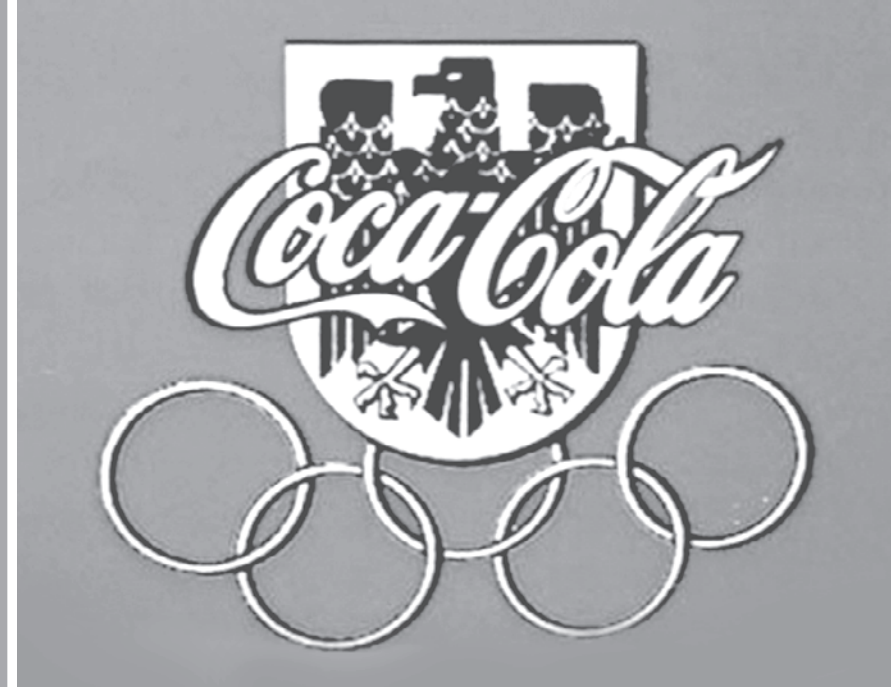
ВЫБОР ФАШИЗМА — ПОЧЕМУ?

И тут сознание невольно обращает внимание на вторую альтернативу: а что если... если не либерализм и не марксизм-советизм, то... Нет, не может быть, но других вариантов нет. То... фашизм? Фашизм. Фашизм! А почему нет? А что ещё?! Пройдя через горнило советского эксперимента, ужаснувшись восторжествовавшему по праву сильного либерализмом, но оставаясь всё ещё, сознательно, по инерции в рамках модерна, Европа в целом, Восточная Европа в частности, а за ними постсоветское пространство выбирают фашизм.

Конечно, успокаивают они себя, у нас будет не такой фашизм: без газовых камер, концентрационных лагерей и расовой теории. И это в основном действительно так, ведь всё, что связывают с ужасами фашизма, а на самом деле, германского национал-социализма, есть следствие конкретно-исторического опыта конкретной исторической политической силы, нацистской партии Германии середины прошлого столетия, а не неотъемлемая часть третьей политической теории и не составная вытекающей из неё идеологии фашизма. Напротив, в эпоху победившего минимального гуманизма, всё, в том числе и все виды идеологий, выстроенных на основе третьей политической теории, гуманизировано до предела.

Но апологеты либерализма ничего и слышать не хотят о какой-либо альтернативе. В их картине мира третья политическая теория равна фашизму, нацизму, Гитлеру, газовым камерам и холокосту. А что бы вообще больше не повядно было искать альтернативы, сюда же скопом приравняется советизм, который есть сталинизм; а значит ГУЛАГ, который равен концлагерю, то есть опять Гитлер и холокост с газовыми камерами — теорема доказана, альтернативы либерализму нет. Но это только в головах у либералов.

В действительности же гуманизированная Европа, пройдя через фашизм, советизм и ужасы либерализма, неизбежно вновь возвращается к фашизму, блуждая в трёх снах трёх политических теорий модерна. Чего уж говорить о постсоветском пространстве, где настало "наелись" советизмом, особенно в его выродившейся, пост-сталинской версии, что до сих пор не могут прийти в себя. При этом либерализм настолько омерзитель и неприемлем, что ничего, кроме как вновь обратиться к фашизму, им не остаётся. Тем более именно в нём, как и прежде, народы Европы видят возможность для сохранения собственной идентичности, пусть не легальную, но хоть что-то. А так как народы и этносы в модерне остаются вне закона, то по факту происходит принудительная политизация реально существующих народов, и даже этносов через отождествление их с политической нацией и присвоение политических атрибутов государственности. Отсюда перекосы в виде нетерпимости к представителям иных этнических групп и иных народов и лишение их политических, и даже гражданских прав, свойственных гражданам политических наций, что мы наблюдаем, например, в Прибалтике. Но это уже из разряда эксцессов, которые встречаются, когда народы Европы, за неимением лучшего, обращаются к третьей политической теории с её политической нацией, политическим договором и исторической целью-миссией как к альтернативе либерализму и марксизму. Поэтому — фашизм. До тех пор, пока Европа будет загнана в жесткие рамки догматики модерна, огороженная непреодолимыми стенами прогрессизма, позитивизма и материализма, фашизм будет рассматриваться в качестве реальной альтернативы.

До начала Второй мировой войны и даже вплоть до вторжения Третьего рейха и его союзников во Францию (май 1940 года) итальянский фашизм и немецкий нацизм рассматривались на Западе как весьма уважаемые и во многих смыслах даже образцовые политические режимы. На фото — реклама фирмы Coca-Cola, официального спонсора Летних Олимпийских игр в Берлине (1936 год) и реклама фирмы Hugo Boss, разработавшей дизайн униформы вермахта, СС и штурмовых отрядов (1934 год).

Михаил ДЕЛЯГИН ИДЕОЛОГИЯ ПАЗАРИТОВ

Либерализм как реинкарнация нацизма

СХОЖЕСТЬ ВОЗЗРЕНИЙ и действий современных либералов и фашистов 30-х—40-х годов XX века на протяжении продолжающегося тридцатилетнего национального предательства шокировала многих. Лютая ненависть к русским (многотрадно, открыто и абсолютно безнаказанно высказываемая "рукопожатными" общечеловеками с хорошими лицами" в российских же медиа), непримиримая враждебность к российской государственности как таковой, социально-экономические практики, порой напоминающие, а порой и перекликающиеся гитлеровский план "Ост" в отношении славян и прочих "недочеловеков", стали очевидны задолго до почти тотальной поддержки самими рафинированными российскими либералами самых пещерных бандеровцев.

Для людей, всегда застрявших во временах Волтера (или для жертв ЕГЭ, черпающих знания о мире из "Википедии" и рассказов либеральных журналистов, действительно полагающих население России равным восьми миллионам человек), этот парадокс оказывается неразрешимым.

В самом деле: как могли Гайдар и Чубайс, выходя из хороших интеллигентских семей, слушавшие Окундаву, осуществить преобразования, демографические последствия которых оказались в лучшем случае сопоставимы с последствиями гитлеровского нашествия?

Как мог сын советского офицера Кудрин триллионами направлять деньги Российского государства на развитие его стратегических конкурентов — в то время, когда в России с почти офици-

альным диагнозом "нехватка бюджетных средств" массово умирали (и умирают) дети?

Как мог выпускник юрфака ленинградского университета Медведев, наряду со многими иными афоризмами типа "Денег нет, но вы держитесь!" "отливший в граните" бесспорное "свобода лучше, чем несвобода", додуматься до людоедского повышения пенсионного возраста, обесмыслившего и пенсионные взносы, и саму пенсию?

Для ответа на эти вопросы достаточно осознать, что со времён Волтера с его апологией свободы личности либерализм прошёл долгий путь, и уже со времён Керенского (не говоря о Березовском и "Вашингтонском консенсусе") исходил не из прав и ответственности индивида, а из категорической обязанности государства служить не своему народу, а глобальной монополистическому капиталу — преимущественно финансовым спекулянтам.

Логика перехода была безукоризненной: обычный рядовой человек не может вынести груза личной свободы и склонен делегировать её кому-то, а силой мира являются глобальные спекулянты. Поэтому, если во времена Волтера источником свободы была отдельная развитая личность, то теперь им в силу развития технологий и усложнения мировой экономики становится та же личность, но лишь обладающая ресурсами глобальных спекулятивных монополий и правящая миром, опираясь на их мощь.

Поэтому мир должен принадлежать ей и другим свободным личностям, обслуживающим интересы свободы, то есть её собственные интересы, а все остальные, не желающие "освобождаться", то есть служить глобальным спекулянтам, и пытающиеся зарабатывать не на разрушении (которым эти спекулянты являются), а на созидании, оказываются отсталыми рабами, которых нельзя допускать к власти и надо эксплуатировать вплоть до полного их уничтожения.

Разумеется, это упрощённая и гипотетическая логика, но именно её обрывают мы слышим из уст расслабленных и потому всё чаще проговаривающихся либеральных "хозяев дискурса".

Гитлеровские фашисты уничтожали людей по национальному признаку, а либералы уничтожают по социальному; поэтому либерализм можно рассматривать как социальный фашизм.

Разумеется, надо учитывать различие эпох.

Фашизм — порождение индустриальной эпохи, когда крупные корпорации сражались с государством в единые государственно-монополистические кулаки для участия в международной конкуренции, которая тогда была прежде всего межгосударственной. Объективно обусловленное железной логикой повышения эффективности укрупнение капитала вело к массовому уничтожению мелкой буржуазии, протест которой был опасен для государства.

Фашизм был способом примирить массово разоряющихся лавочников и фермеров с их безысходной судьбой при помощи иллюзии принадлежности

к избранной расе или народу и вознаграждения за счёт прямого грабежа завоевываемых стран.

Либерализм решает ту же задачу сейчас — в отношении разоряющегося в результате распространения сверхэффективных информационных технологий "среднего класса" прошлой информационной эпохи. Он убеждает превращающихся в бесправный и не имеющий будущего "прекариат" в их абсолютной исключительности — но уже в силу принадлежности не к "избранной нации", а к "избранному типу сознания": в силу наличия у них "креативности", "инновационности", "способности к изменениям" и прочим политкорректным синонимам самовлюблённости и инфантилизма.

Сегодняшняя конкуренция ведётся прежде всего между глобальным бизнесом и любыми пытающимися сохранить независимость от него народами. Поэтому либералы натравливаются глобальными спекулянтами не на "расово чуждых" славян, евреев и цыган, а на тех, кто пытается сопротивляться, но при этом является наиболее слабым и, соответственно, производит впечатление наиболее "лакомого куска" для захвата и разграбления с быстрым превращением в аналог Украины или Гаити. Со времён горбачёвской "катастрофы" это — Россия и русские, что и обуславливает животную русофобию большинства современных либералов.

С социально-политической точки зрения фашизм и либерализм решают одну и ту же задачу (в разные эпохи и в разных условиях): обеспечение лояльности разоряемой капиталом части общества этому капиталу и превращение её в "ударную силу" этого капитала.

Схожесть функций рождает и схожесть образа действий — и последний для их жертв, среди которых опять оказывается Россия.

Пока мы не осознаем коренной трансформации либерализма, произошедшей вот уже более столетия назад,

и не позволим себе увидеть его абсолютной, лютот, непримиримой — и при этом объективно обусловленной всей его современной исторической функцией — враждебности к русской цивилизации и русской культуре, мы будем оставаться беспомощными и безгласными заложниками всё новых "вивисекторов" в либеральных правительствах и в Банке России.

Более того, до тех пор мы не сможем перейти к развитию, — ибо по инерции будем обращаться за советами и руководством к тем самым либералам, которые не приемлют идею никакого развития России, — просто потому, что глобальный спекулятивный бизнес может заработать на разграблении нашей страны значительно больше, чем на её созидании.

Время либералов в мировой истории заканчивается: как и всякий паразит, финансовые спекулянты истощают организм, на котором паразитируют; они слабеют вместе с ним и становятся жертвой его здоровых сил, в роли которых выступают самые разнообразные патриоты, прорывающиеся к власти или пока просто крепнущие в самых неожиданных местах.

Российские либералы пытаются остановить время, организовав новый виток людоедских либеральных реформ и, обскорив Россию и столкнув её в новую Смуту, лишить её способности к саморазвитию. Если им это удастся, мы станем выпавшим из истории кровотокачущим пустырем, полностью контролируемым глобальными спекулянтами. Вроде Ливии или Ирака...

Как показывает успех провокаций вроде не имеющего никакого реального обоснования и оправдания повышения пенсионного возраста и иных либеральных реформ уже нового правительства Медведева (да и сама неизбежность и даже укрепление позиций либералов во власти — чего стоит строительство "Ельцин Центра" уже и в Москве!), такое развитие событий более чем вероятно.

СЕРЕДИНЫ 1980-Х Горбачёв начал перестройку, окончившуюся трагически. Но в тот же период размораживались и различные направления мысли, культуры, которые в СССР находились под спудом. Одним из них было либеральное западничество, связанное с "отказниками" (в основном евреями, которым запрещали выехать из СССР), — они создали свою культуру на границе, и стремились не столько в Израиль, сколько на Запад, в Америку. Именно они создали "чуждому" прослойку, которая уже не являлась советской, но ещё не была западной. Это были носители либерального дискурса, их существование было подготовкой к эмиграции — в ожидании эмиграции проявились политические, интеллектуальные, экономические силы у "отказников", а с 1990-х уже и элита пребывает в этом "чуждом" настроении.

Впрочем, в тот же период на других флангах проявлялись не менее интересные течения — например, такие как общество "Память" (которое "отказники" называют не иначе как "фашизмом" и "антисемитизмом"). Но это было легитимное постсоветское явление: русские, выходящие из идеологии коммунизма, стали осваивать идеи — так же неуклюже, как "отказники" осваивали либерализм. Ранний либерализм был монструозным, послушать только в те годы Чубайса, Гайдара или Явлинского... Но столь же неуклюжими были и консерватизм общества "Память". Хотя уже тогда среди тезисов "Памяти" было восстановление храма Христа Спасителя, отказ от преподавания атеизма в школе и признание царя Николая II святым. Но даже это в 80-е годы уже называлось "фашизмом".

Подъём русского самосознания (пусть в довольно искажённом и даже нелепых формах) был естественным: после падения коммунистической идеологии появились новые пути. Плюс движение новых левых, которые пытались реформировать коммунистическую идеологию.

В тот период жадно воспринималась культура Запада и Серебряного века, публиковались Ахматова, Цветаева. При коммунистах мы, по сути, пропали весь XX век в культурном смысле — из-под полы читали Хайдеггера, Шпенглера в плохих переводах, были лишены важного сегмента западной и восточной культуры (ведь в XX веке весомая часть западной культуры была направлена именно на критику либерализма).

В музыке в конце 80-х стали появляться крайне талантливые композиторы, музыкальные группы — на смену монструозным экстрадным исполнителям.

Тогда казалось, что при таком идеологическом многообразии Россия в 90-е годы должна была в политическом смысле представлять целую палитру взглядов: консервативных коммунистов, либералов, националистов, новых левых, — и, конечно, западноевропейская культура должна была отбить свои позиции. Это могла быть демократическая, но не догматическая либеральная, не прозападная Россия. Там вполне могла бы реализоваться евразийская партия, и изменения происходили бы на фоне общего интеллектуального роста и аккуратных реформ (которые частично сохраняли бы социальную справедливость, частично выводили бы частную собственность). Это должно было обсуждаться на экранах.

Но в 1991-м что-то пошло не так. Впервые, демонизировали национализм; русский национализм сразу назвали "фашизмом" — Ельцина даже осудили за встречу с "Памятью". Последовательный патристический русский дискурс был маргинализован и уничтожен — колоссальными усилиями, искусственным путём. Вместо националистов в своё время поставили Жириновского, который так 30 лет и шутит один и те же шуточки. Это познечина нам всем. Выросли симулякры национализма и коммунизма.

В культуру после 1991 года опять вернулось инфернальное, и кошмарная поща вытеснила пробивавшиеся ростки. Носители истины, искатели, журналисты превратились в механических роботов, медиамагнатов, и телевидение стало всё больше отчуждаться от стихии социальных процессов. Что же произошло в этом переходе от 80-х к 90-м? Из всей палитры была взята маленькая часть "отказников", которая собиралась "валить из страны", к ним подключили мощь МВФ и экспертов с Запада, придали идеологии тоталитарный характер, в культуру запустили полупрозрачные, которые до сих пор живы. В 90-е годы над Россией стаялись грозные тучи, которые до сих пор стоят, а небольшие лучи солнца между прочего.

Мы оказались в интеллектуальной оккупации. Очень маленькая группа людей, тотальное меньшинство, узурпировала основные структуры и ввела жесточайшую цензуру на всё, что не вписывается в эту модель. Казалось бы, при Путине в первое время вздохнули, по крайней мере, не было сдачи позиций, восстанавливался имидж на международной арене — но показало, поманило и опять застыло. Смотрим на парламент — опять те же монстры, либо новые, но не менее чудовищные. Смотрим на культуру — в ней ничего не происходит, а в телевидении почти те же самые медиамагнаты гонят те же самые низжайшие приёмы. Экономика, образование, отсутствие мысли — всё, как и в 90-х.

90-е стали параличом, когда естественное движение, назревавшее в России, было блокировано. Было несколько ярких моментов: когда в 1991 году часть страны была отрезана (и то, после этого ещё было какое-то движение, митинги, внутренняя война и побойца); 1993 год — расстрел парламента и "контузия", и потом — Чечня. Когда страна воюет и распадается — не до культуры и не до мысли. Пользуясь чрезвычайными обстоятельствами, разморозку русского общества, пробуждение чувства духовной и интеллектуальной свободы, обсуждение серьёзных тем отложили ещё на 30 лет. По сути, разморозка так и не произошла.

Нам до сих пор правят "отказники" — они зависли в России, потому что из страны ещё можно что-то содрать. Зависли поневоле, потому что сытые. Самое страшное, что мы упустили шанс и позволили тогда им диктовать условия. Может, эту шутку сыграло обожествление государства: может, мы были так истеричны XX веком, что уже были неспособны отстоять сами себя.

Мы всё ещё пребываем в этом неразморозенном состоянии. Уже выросло целое поколение, а мы всё ещё там, всё ещё не можем сойти с замороженной черты конца 80-х годов, где всё что-то начиналось, но так и не началось. Похоже на дождь, который всё собирается и никак не начнётся, хотя есть уже и тучи, и грозы.

Александр ДУГИН

